

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 39, Is. 5, pp. 58–78, 2018
 DOI 10.22162/2619-0990-2018-39-5-58-78
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 94(47); 340.15

К истории среднеазиатской таможенной политики России во второй половине XIX в. (докладная записка В. П. Череванского 1872 г.)*

Козинцев Марк Альвиевич¹,
 Почекаев Роман Юлианович²

¹ аспирант, старший лаборант, сектор Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей РАН (191186, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Дворцовая наб., 18). ORCID: 0000-0001-8588-739X. E-mail: m.kozintcev@mail.ru

² кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (198099, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Промышленная ул., 17). ORCID: 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

Аннотация

Публикуемая записка высокопоставленного туркестанского чиновника В. П. Череванского отражает споры между представителями различных органов власти Российской империи о российской таможенной политике по отношению к государствам Средней Азии. В течение долгого времени имперские власти создавали среднеазиатским торговцам режим наибольшего благоприятствования, тогда как монархи Средней Азии не осуществляли ответных мер в отношении российских торговцев. Существенное изменение азиатских границ Российской империи в 1850–1860-е гг. привело к необходимости отмены ряда таможенных постов в регионах, которые к этому времени утратили статус пограничных и, соответственно, к спорам по поводу необходимости создания новой системы пограничных таможен в новоприсоединенных к России регионах, в частности, в Туркестанском крае. Записка В. П. Череванского отражает дискуссии, которые велись по этому вопросу среди туркестанского чиновничества, но вместе с тем и позицию ряда центральных ведомств, поскольку сам он представлял в Туркестане интересы Министерства финансов. Адресатом записки является туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман, в свою очередь, представлявший интересы Военного министерства. Публикация записки сопровождается археографическим введением, историко-правовым комментарием, а также примечаниями, дающими представление об общем политическом и экономическом контексте, в котором следует рассматривать записку. Анализ публикации позволяет оценить личность и деятельность самого автора записки — В. П. Череванского, который был не только высокопоставленным чиновником в Туркестане, а затем и в центральных органах власти Российской империи, но и известным литератором своего времени, что также наложило определенный отпечаток на стиль и содержание публикуемой записки. Также предпринимается попытка оценить, насколько рекомендации, представленные В. П. Череванским, нашли отражение в последующей таможенной политике Российской империи в Средней Азии. Исследование публикуемого документа позволяет сделать вывод о противоречивости поли-

* М. А. Козинцев: археографическое введение, подготовка текста к печати, примечания (частично); Р. Ю. Почекаев: примечания (частично), историко-правовой комментарий.

тики Российской империи в Средней Азии, которая весьма ярко отразилась и на таможенной сфере, в результате чего лишь к концу XIX в. таможенная система региона оказалась более-менее четко упорядоченной.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестан, Средняя Азия, Бухарский эмират, Хивинское ханство, таможенная политика, таможенный тариф

Археографическое введение. Текст Записки В. П. Череванского написан скорописью на русской бумаге без водяных знаков; размер листов 22×35,5 см. На л. 1 типографским способом один под другим напечатаны реквизиты, а именно: два грифа «Государственный контроль» и «Управляющий Туркестанскою контрольною палатою». Под ними — поле для написания даты, в котором заранее напечатаны первые три цифры года («187...»), номер документа, который в данном случае заменен прочерком, и место создания документа: «Г[ород]. Ташкент». Слева от текста, вне зависимости от положения внешнего края листа, имеются поля, ширина которых на разных листах варьируется от 4 до 6 см. На л. 1, ввиду наличия вышеуказанных реквизитов, отступ составляет 7 см. Справа от текста поля отсутствуют.

В настоящее время документ хранится в Архиве востоковедов ИВР РАН (Ф. 43 (Петровский Н. Ф.). Оп. 3. Ед. хр. 13). В описи он обозначен как «Докладная записка Туркестанскому генерал-губернатору от Управляющего Туркестанской контрольной палатой Владимира Чер<...>асского». В ходе работы с документом нами было установлено, что автором его является В. П. Череванский, поскольку именно он был управляющим Туркестанской контрольной палатой в 1870-е гг. и имел право использовать вышеупомянутый гриф.

На каждом листе, начиная со второго, имеется штампель овальной формы, сообщающий о происхождении и сортности бумаги. Благодаря ему становится понятно, что данная бумага четвертого сорта — продукт «Косинской фабрики Рязанцевых», располагавшейся в Слободском уезде Вятской губернии. Привлекает внимание то обстоятельство, что вышеописанный штампель применялся в 1887 г. [Клепиков 1959: 108], в то время как записка абсолютно четко датирована 19 июля 1872 г. Данное обстоятельство позволяет предположить, что документ был впоследствии переписан. Связано это могло быть с тем, что Н. Ф. Петровский, намереваясь в подробностях ознакомиться с работой указан-

ной в Записке комиссии (как и с работой прочих туркестанских комиссий в последующие годы), попросил В. П. Череванского, с которым находился в давней дружбе, изготовить дубликат, что и было исполнено. Подпись В. П. Череванского на л. 12об., по всей видимости, оригинальная: ее он мог поставить, исходя из стремления показать, что и по прошествии пятнадцати лет своего мнения по торговому вопросу не изменил.

Материалы описи фонда позволяют проследить судьбу документа с конца первой четверти XX в.: в Ленинграде о Записке стало известно в январе 1925 г., после того как известный востоковед А. А. Семенов сообщил об отправке им из Ташкента архивных материалов Н. Ф. Петровского в распоряжение Академии наук. Решением Академии, документ был затем перераспределен в Азиатский музей (ныне — ИВР РАН)¹.

Ниже приводим текст Записки В. П. Череванского. Орфография и пунктуация, за некоторыми исключениями, а также характерное для документов XIX в. написание названий некоторых городов и административно-территориальных единиц Российской империи приведены к современной норме. Имеющиеся в тексте рукописи орфографические ошибки при наборе исправлены.

Текст «Записки В. П. Череванского».

[л. 1] Государственный контроль.

Управляющий Туркестанскою контрольною палатою².

„17, июня 1872 года.“³

№ _____

Г. Ташкент.

По вопросу:

О пошлинах на товары по внешней торговле России с независимыми среднеазиатскими владениями.

¹ Дело фонда № 43 (Петровский Н. Ф.). Л. 1. Выписка из протокола от 14-го января 1925 г. ИФ. 1925. 1. «21» января 1925 г. № 148.

² Подробнее о Туркестанской контрольной палате см. Историко-правовой комментарий.

³ Число, месяц и последняя цифра года вписаны от руки.

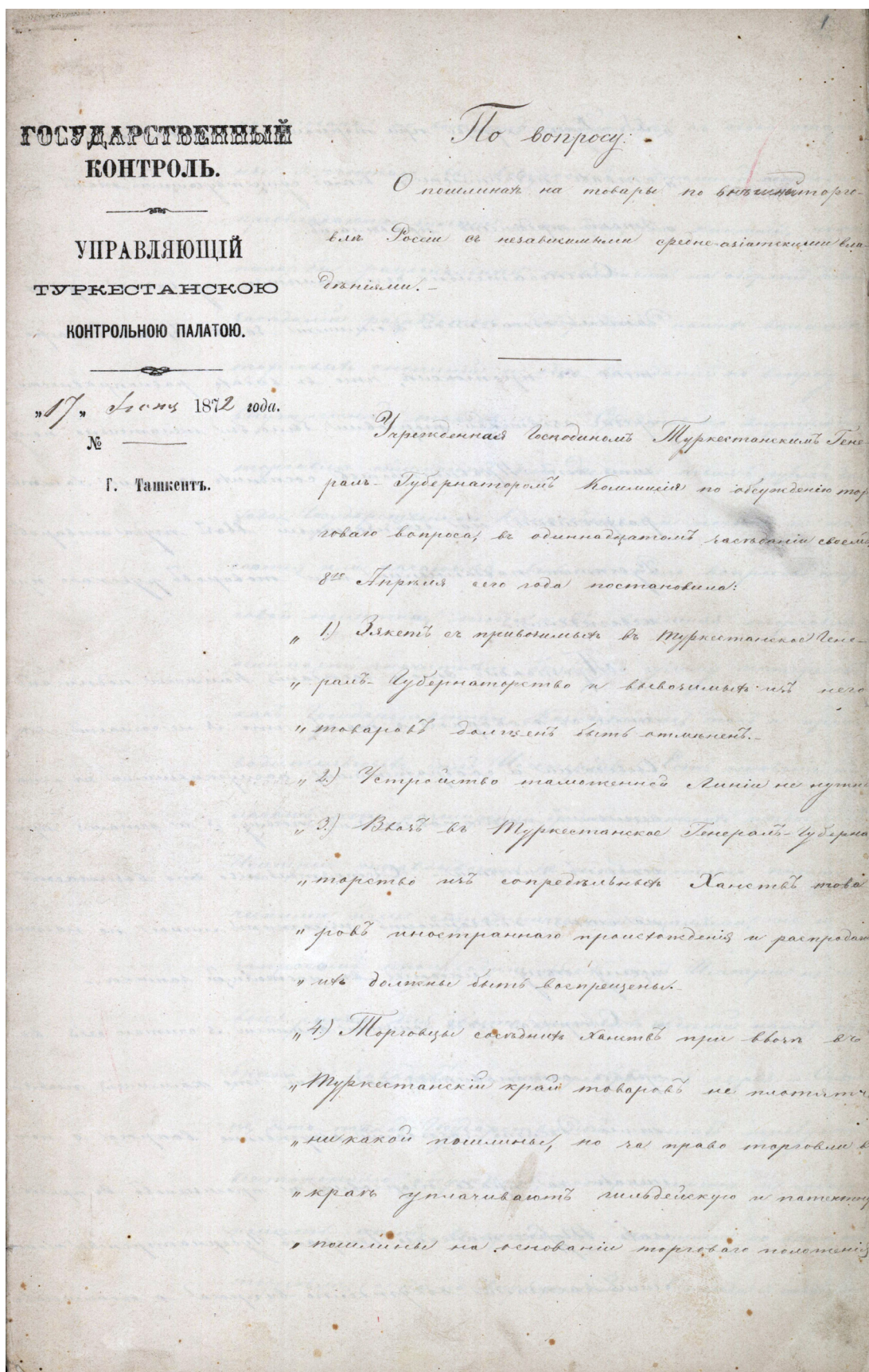

Рис. 1. Записка В. П. Череванского, начало (л. 1)

судцовъ въ Кантонахъ и азиатскихъ купцовъ въ
нашихъ предѣлахъ. — Но дану же этому до вѣдѣній
судраа необходимы имѣть въ виду иттиіе Депар-
таментовъ. Мамонтиная и Мордовин и Ману-
Фрактуръ, ибо здѣсь, на иттиіе, въ Мамонтино не
имѣются спеціалистовъ по мамонтиной каста,
а безъ спеціальнаго знаній не могутъ быть рас-
рѣшенъ основательно этотъ вопросъ. —

Владимиръ Череванскій,

Рис. 2. Записка В. П. Череванского, конец (л. 12об.)

Учрежденная господином Туркестанским генерал-губернатором¹ Комиссия по обсуждению торгового вопроса², в одиннадцатом заседании своем, 8 апреля сего года постановила:

1) *Зякет³ с привозимых в Туркестанское генерал-губернаторство и вывозимых из него товаров должен быть отменен.*

2) *Устройство таможенной линии не нужно.*

3) *Ввоз в Туркестанское генерал-губернаторство из сопредельных ханств товаров иностранного происхождения и распродажа их должны быть воспрещены.*

4) *Торговцы соседних ханств при ввозе в Туркестанский край товаров не платят никакой пошлины, но за право торговли в крае уплачивают гильдейскую и патентную пошлины на основании торгового положения.*

[л. 1об.] 5) *Русские купцы при торговле в сопредельных ханствах подчиняются всем существующим там на этот предмет правилам.*⁴

Относительно сего последнего пункта председатель означенной Комиссии заявил, как выражено в протоколе, что в видах равноправности среднеазиатской торговли было бы желательно получить от правительств соседних с нами ханств разрешение на беззакетный ввоз туда товаров русскими подданными или товаров русского происхождения.

Протокол этого заседания Комиссии подписан мною с оговоркою о том, что я не согласен с выводами и соображениями, послужившими к означенным постановлениям, почему я и остался при особом мнении. Обстоятельство это возлагает на меня обязанность изложить личное по настоящему делу мнение в настоящей Записке.

¹ Первый генерал-губернатор Туркестанского края К. П. фон Кауфман (1818–1882), управлял краем в 1867–1882 гг.

² Подробнее о Комиссии см. Историко-правовой комментарий.

³ Предусмотренный шариатом налог с «излишнего имущества», в том числе с прибыли при торговле, составлял 1/40 от облагаемого имущества. В качестве торгового налога с мусульманского населения сохранялся в Русском Туркестане до 1875 г.

⁴ Выдержка из протокола заседания Комиссии по обсуждению торгового вопроса, данная в тексте Записки, приводится нами курсивом.

Обозревая ход занятий Комиссии, я считаю себя вправе остановиться на том, что Комиссия посвятила десять заседаний обсуждению вопроса о пошлинах за право торговли и промыслов в пределах Туркестанского генерал-губернаторства и одно лишь заседание обсуждению вопроса о пошлинах [л. 2] на товары по внешней торговле; с своей стороны я считаю за вопросом о внешней торговле преобладающее значение и полагаю, что Комиссия поступила бы рациональнее, посвятивши, наоборот, десять заседаний разработке и обсуждению наших внешних торговых сношений и одно заседание по вопросу о внутренней торговле. Суждения по внутренней торговле обнимают всего десятки тысяч рублей дохода Государственного казначейства и почти не касаются или касаются весьма мало вопросов торговой политики, тогда как внешняя торговля обнимает значительно большую сумму интересов как Государственного казначейства, так и производительных сил Империи. Есть основание полагать, что расширение среднеазиатских пределов Империи оправдывается не исключительно политическими или стратегическими целями, но и запросом производительных сил Империи на новые рынки для сбыта готовых изделий наших фабрик и заводов и для приобретения сырья. Очевидно, что такой государственный мотив требует всестороннего обсуждения, которое именно и могло иметь место в суждениях Комиссии по внешней торговле, а не по внутренней. Отсюда я позволяю [л. 2об.] себе заключить, что Комиссия торопливо отнеслась к вопросу о внешней торговле и решила его скорее по внутреннему убеждению гг. членов, согласившихся подписать протокол 11-го заседания, нежели на основании таких данных, таких веских, практических соображений и выводов, которые не оставляли бы сомнений в выгодности решения как для Государственного казначейства, так и для потребностей наших производительных сил и торгующего сословия. Но одного внутреннего убеждения гг. членов Комиссии, даже если бы я был вполне солидарен с этим убеждением, считаю решительно недостаточным в столь серьезном деле; к тому же убеждение это не будет вообще иметь никакого веса в глазах тех высших органов правительства, которые будут обсуждать в законодательном порядке вопрос о внешней торговле России в Средней Азии. При зако-

нодательном рассмотрении неизбежно потребуются доказательства в подкрепление убеждения, хотя бы последнее было верхом основательного решения вопроса. Вот почему я полагаю, что Комиссия не дала ни данных, ни мотивов, которые могли бы способствовать к принятию ее постановлений законодательными сферами, а такие данные, разумеется, [л. 3] будут потребованы, потому что, повторяю, есть основание полагать, что расширение наших среднеазиатских пределов совершается, независимо от политических или стратегических целей, ради также интересов экономических. Если предположение это справедливо, то, очевидно, в подобном деле недостаточно одного внутреннего убеждения, а необходимы факты, цифры, данные, мотивы доказательства; ничего подобного в трудах Комиссии не имеется, а следовательно, постановление ее состоялось, быть может, весьма целесообразно, но тем не менее без почвы, без основы, по внутреннему убеждению, которое даже минуя фактическую, доказательную сторону, не подкрепило себя в трудах Комиссии даже общими, поверхностными суждениями о полезности принятого Комиссией постановления.

Впрочем, в заседании Комиссии прочтена была записка члена комиссии С. А. Идарова¹, доказывавшего бесполезность учреждения в Туркестанском генерал-губернаторстве таможенной линии и вред, какой может произойти от обложения пошлиною вывозимого в сопредельные ханства хлеба. В протоколе комиссии выражено, что записка [л. 3об.] эта вызвала оживленные прения, касавшиеся преимущественно вопроса о том, в состоянии ли правительства среднеазиатских ханств отказаться от зякетного сбора с русских торговцев. Затем Комиссия признала не-

нужным устройство таможенной линии, причем в протоколе прямо выражено, что устройство таможенной линии было предложено мною. Позволяю себе заметить, что в этом отношении постановление я признаю совершенно ошибочным; вероятно, в трудах Комиссии был бы какой-нибудь след о моем предложении, но такого следа вовсе не оказывается. Действительно, я предлагал обсудить вопрос о степени возможности устройства таможенной линии, что до предложения устроить таможенную линию еще очень далеко, следовательно, Комиссия отвергнула несуществовавшее предложение, что и занесла в протокол, и не приняла действительное предложение обсудить вопрос и т. д., о чем в постановлениях Комиссии не упомянуто, и самого обсуждения произведено не было.

Ввиду того, что постановление 11-го заседания Комиссии состоялось по внутреннему лишь убеждению гг. членов о ненужности таможенной линии, **да по доводам**², [л. 4] заявленным в записке С. А. Идарова, я считаю бесполезным остановиться на главных пунктах сей записки и на тех средствах, какие он рекомендует для покровительства русской торговли в Средней Азии.

Прежде всего он заявляет необходимость заключить с соседними ханствами такие торговые тракты, по которым русские купцы были бы совершенно избавлены от торговых пошлин в ханствах, предоставив последним взимать зякет с их подданных, с англичан и прочих иностранцев. От этой меры С. А. Идаров предвидит, понятно, упрочение за русскими рынков в соседних ханствах — в подрыв английской торговли. Что касается до меня, то против подобного намерения я имею сказать многое. Для правителей независимых ханств³ зякет, как известно, есть кусок насущного хлеба, следовательно, в данном случае предлагается

² В тексте рукописи подчеркнуто.

¹ Идаров Сергей Александрович (ум. 1901) в молодости служил в различных учреждениях Министерства внутренних дел и Военного министерства, в 1867 г. назначен чиновником для особых поручений по финансовой части при туркестанском генерал-губернаторе, затем — управляющим Туркестанской казенной палатой (1869–1889). Автор ряда статей в «Туркестанских ведомостях» о вакфах в Средней Азии. В начале 1880-х гг. пережил инсульт, после лечения вернулся на свою должность, однако, по свидетельству современников, с этого времени постепенно начал сходить с ума, что и привело к его отставке.

³ Ко времени составления записки Российская империя фактически установила протекторат над Кокандским ханством и Бухарским эмиратом на основе «договоров о дружбе», заключенных с этими государствами в 1868 г. и предусматривавших значительные привилегии для русских подданных на территории этих государств. Через год после составления записки был заключен на аналогичных условиях и мирный договор с Хивинским ханством. При этом юридически ханства, и в самом деле, продолжали считаться независимыми.

самая крайняя мера — предлагается, во имя лишь силы русского оружия, потребовать от правительств независимых ханств значительно сократить свой бюджет или, если не сократить, то увеличить свои внутренние налоги на собственных подданных, и притом налоги поземельные, потому что в Средней Азии, кроме поземельных налогов, [л. 4об.] на производительность и налогов торговых, иных податей не существует. С своей стороны я решительно *даже*¹ отстраняюсь от мысли о подобном насилии над независимыми ханствами; полагаю, что мысль эта не политична, полагаю, что такой могущественной державе, как Россия, не подобает распоряжаться нищенскою сумою какого-нибудь ничтожного ханства, и если политика могущественной державы может требовать проведения тех или других начал в управлении независимыми ханствами, то уж ни в каком случае нельзя дойти до распоряжения мизерными доходами их правителей. Последние не могут отказаться добровольно от зякета по внешней торговле с Россиею, и навязывать им подобный тракт — значит требовать, приказывать, угрожать. Еще неудобнее говорить в данном случае о том, чтобы ханства, освободив наших купцов от пошлин, не забывали их брать с англичан и прочих европейцев. Подобные столбы насилия не могут не делаться известными Европе, и, разумеется, наше Министерство иностранных дел не окажет никакого сочувствия подобного свойства вызывательному трактату.

Вторую рациональную меру для закрепления за [л. 5] русскою торговлею среднеазиатского (вероятно, туркестанского, а не среднеазиатского) рынка С. А. Идаров считает абсолютное воспрещение ввоза из среднеазиатских ханств европейских товаров.

Мера эта также из числа радикальных, но, к сожалению, не новых: она проповедуется во всех концах земного шара приверженцами запретительных систем, хотя нельзя не заметить, что число таких абсолютистов редет с каждым днем, и они волею-неволею мирятся с покровительственными тарифами. Мне кажется, что наш внутренний туркестанский рынок совершенно обеспечен от наплыва извне европейских изделий, и если только Туркестанский край будет соединен с Империей сколько-нибудь порядочными транзитными путями и средствами, то нам

решительно нечего бояться² здесь, у себя дома, конкуренции с английскими мануфактуристами и заводчиками. Нам приходится защищаться не от английской конкуренции, а от наших собственных, родных наших эксплуататоров, которые, разумеется, будут осчастливлены запретительным тарифом и, не производя сами лично ровно ничего, будут поддерживать, если не увеличивать, обременительные для потребителей цены. Я не намерен [л. 5об.] скрывать того, что русские произведения продаются дешевле в Коканде и Бухаре, нежели в Ташкенте; в то время, когда сахар в Ташкенте продают по 15–16 руб. за пуд, в Бухаре он продается по 11–12 руб.³; часы, которые можно купить в Бухаре за 60 руб., нельзя купить в Ташкенте и за 80 рублей. Все это не секреты и не выдумка, а факты и печальная истина. Следовательно не запретительными системами, клонящимися в пользу одного на счет миллиона, мы должны закрепить среднеазиатские рынки, не выпрашиванием или вынуждением у ханов льгот, а привлечением в край серьезных капиталов и серьезной торговли, которой Англия не может быть страшна, как по отдаленности этой страны от нас, так и потому, что индийским караванам приходится оплачивать несколько раз зякетные пошлины, пока товары их достигнут нашего Туркестанского края. В пользу нашего купечества и так сделано многое: ради конкуренции с англо-индийским чаем разрешен, например, ввоз в Туркестанский край чая беспошлинно из Кяхты⁴ — получаем ли мы этот беспошлинный чай? Нет, или самое ничтожное количество; чай мы получаем из Москвы и Нижнего — какой же еще нужно льготы купечеству? Понятно, что чем мы больше будем держаться высоких покровительственных или вовсе запре-

² В тексте рукописи подчеркнуто.

³ Эти цифры присутствуют в записке Н. Ф. Петровского, который, будучи агентом Минфина в Туркестане, в 1872 г. побывал в Бухаре [Петровский 1873: 238]. Учитывая его дружеские отношения с автором записки, не подлежит сомнению, что его данные были использованы последним.

⁴ В Кяхте действовала русская таможенная для взимания пошлин с товаров, ввозимых из империи Цин. Его беспошлинный ввоз в Туркестанский край был разрешен Высочайше утвержденным положением Комитета министров от 13 декабря 1868 г. [ПСЗРИ 1873: 504, № 46549].

¹ В тексте рукописи зачеркнуто.

тительных [л. 6] систем, тем приятнее будет десятку купцов, ведущему среднеазиатскую торговлю, но приятнее ли будет населению — это вопрос, который нельзя приносить в жертву эксплуатации.

Затем С. А. Идаров предлагает подвергнуть полному ostracismu индо-европейские¹ товары, объявить торговлю на среднеазиатских границах совершенно свободною — со стороны России — от пошлин и таможенного надзора. Затем ни он, ни Комиссия не задавались вопросом, кто будет на страже ostracisma, кто будет наблюдать, чтобы индо-европейские товары не проникали в Туркестанский край — полиция, акцизные надзиратели? А если, несмотря на эту стражу, индо-европейские товары все-таки будут проникать, то что с ними делать — сжигать или бросать в воду? Мне, например, положительно известно, что, несмотря на существующее запрещение относительно ввоза индо-европейских товаров в Туркестанский край, на базарах Ташкента появляется нередко английская кисея, даже с неуничтоженными английскими ярлыками. Почему же не устраивается аутодафе над этими товарами? Известно, что стремление к выгодам обходит все препятствия, и чем они легче, тем свободнее обходятся. Свободная торговля потребует уничтожения всякого надзора за привозом и вывозом товаров на среднеазиатской [л. 60б.] границе; кто же будет следить, чтобы не были ввезены в Туркестанский край столь страшные индо-европейские товары? Не потребуются ли составить в каждом городе особый комитет безопасности от индо-европейских товаров? Как велика будет власть этого комитета, пределы его деятельности? Или делом этим будет весть письмоводитель полицейского Управления? Словом, я отказываюсь понять, какими путями будет приведена эта мера в исполнение и остаюсь глубоко убежденным, что одного воспреещения в данном случае решительно недостаточно; что если действительно так страшны нам индо-европейские товары, то они, при отсутствии надзора, заполонят нас или же вызовут существование каких-нибудь комитетов мануфактурной безопас-

¹ Написание прилагательного индо-европейские через дефис сохранено, поскольку в данном и последующих случаях речь идет, очевидно, о товарах индийского и европейского происхождения. Правильнее было бы: *индийско-европейские*.

ности и фабричного спасения. В Комиссии даже заявлялось мнение, что учреждение таможенной линии вызовет контрабанду — это совершенно в порядке вещей, но если не будет таможенной линии, то неужели постыдятся торговые агенты везти запрещенный товар, только потому, что его не будут преследовать? Словом, С. А. Идаров и Комиссия пришли к одному заключению: запретить ввоз индо-европейских товаров, а все остальное, вероятно, само-собою сделается. Что касается до меня, то я чужд [л. 7] панической боязни перед индо-европейскими товарами, ибо, по слухам совершенно достоверным, мне известно, что и без угнетательных и вызывательных трактатов рынок Бухарский наполнен русскими ситцами, а из английских мануфактур туда проникают лишь изделия, потребляемые тою лишь частью населения, которая порывается к щегольству и относительной роскоши². Но ведь известно, что некоторые сорта кисеи на чалмы не изготавливаются в России, и если она привозится в Туркестанский край, то также английского изделия, но пришедшего не через Южную Азию, а чрез Европу и притом через Европейскую Турцию. Итак, откуда же этот страх перед английскими мануфактурами? Если он имеет основание, то его нужно доказать, а не требовать голословно заключения трактатов, которые в состоянии вызвать по пустому делу серьезный вопрос.

Учреждение в Туркестанском крае таможенной линии убьет, по мнению С. А. Идарова, русскую торговлю в Средней Азии и даст англичанам возможность овладеть этим рынком.

Разумеется, если таможня вносит такой [л. 70б.] разрушительный характер в торговое дело, то не должно быть и речи об ее существовании, но мне кажется, что таможни вообще далеки от такого рода наклонностей. До сих пор, по крайней мере, я считал таможню учреждением охранительным; ведь сила в ее тарифе, и, разумеется, тариф можно сделать и убийственным, но зачем же непременно сочинять убийственный тариф для среднеазиатской торговли? Почему же не составить тариф разумно-покровительственный, охранительный и т. д.? Я положительно протестую против того, что таможня только убивает и никогда не защищает. Я положительно не понимаю,

² Сведения, скорее всего, также взяты из вышеупомянутой записки Н. Ф. Петровского.

почему таможня должна будет убить русскую торговлю и радушно отворить свои пакгаузы для англичан. Не убил же и не убивает торговлю зякет, а уж действительно зякет, с своим чудовищным произволом, покончил бы давно со всякою торговлею в цивилизованных странах. Почему же, если зякет не убил торговлю, почему убьет ее тариф? Тариф способен совершенствоваться, способен регулировать ввоз и вывоз, затруднить ввоз опасного для нас, поощрить ввоз полезного и необходимого, давать свободный пропуск нашим избыткам и придерживать вывоз того, что составляет [л. 8] вляет и для нас самих насущную потребность, — почему же этот регулятор непременно убьет торговлю, а зякет, рубивший, так сказать, с плеча торговлю, все-таки не убил ее? Я отказываюсь разъяснить себе это мое личное недоумение. Но не отказываюсь заявить, что мы несколько лет держали самую чудовищную таможенную, держали зякет, а теперь требуем совершенно свободной торговли. Мы этим бросимся из одной крайности в другую и, уж разумеется, заслужим грустный упрек в том, что мы желаем, мы чувствуем необходимость реформироваться и ради одного этого чувства готовы на всякие крайности. Не крайности ли в самом деле предлагает Комиссия в своем протоколе 11-го заседания: от разорительного, от чудовищного зякета по внешней торговле перейти к совершенной свободе и рядом с нею дать место совершенно запретительной системе. Самый отъявленный противник паллиативов¹ найдет, вероятно, что между абсолютною свободою и абсолютным терроризмом есть нечто среднее, что называется в настоящем деле таможенным тарифом.

Вторая часть записки С. А. Идарова представляет суждения о вреде опеки правительства над хлебною торговлею и положительный протест против всякого фискального обложения вывозного из Туркестанского края хлеба в соседние ханства. В подкрепление мнения своего С. А. Идаров сослался на последствия правительственной опеки над хлебною торговлею во Франции и Папской области и вообще на движение законодательства по этой части в Западной Европе; относительно же хлебного вопроса собственно в Средней

Азии С. А. Идаров не упомянул и никакого суждения ни в общем, ни в частности не заявил. С своей стороны я полагаю, что так как абсолютных истин не существует, то примеры, изложенные в учебниках по политической экономии относительно хлебного вопроса в Западной Европе, не могут быть еще приложимы всецело к степям и оазисам Средней Азии. Впрочем, не настала еще и пора трактовать серьезно о хлебном вопросе в Средней Азии, или, вернее, пора эта настала, но самое решение вопроса немислимо ставить в тесную связь с таможенным вопросом. Хлебный вопрос, так чувствительно отзывающийся уже на местном бюджете правительства и вогнавший уже стоимость содержания войск дороже нежели в Восточной Сибири, зависит от причин более серьез- [л. 9] ных нежели от обложения вывозного хлеба какою-либо пошлиною. Он зависит от тех систем податей, которые будут приняты в поземельном отношении, от сохранения или уничтожения хараджной системы, от учреждения запасных военных и общественных магазинов, от поднятия культуры края, от развития колонизации и русского землевладения. Вне этих вопросов нет места вопросу о хлебной торговле. Я только знаю, что хлеба в крае, сравнительно с спросом очень мало, что цены на него доходят до высоких размеров, что некоторые местности довольствуются на счет Оренбургского края и что не далее, кажется, как в прошлом году был воспрещаем административным порядком вывоз хлеба в Бухару. Мера эта была, разумеется, вынуждена необходимостью, **была мерою временною**² и, во всяком случае, не принесла вредных последствий, которыми С. А. Идаров угрожает вопросу о регулировании хлебной торговли с независимыми ханствами.

В записке С. А. Идарова главнейшим мотивом против учреждения таможенной линии следует считать заявление его о том, что в нашей среднеазиатской торговле не существует таких предметов, которые можно было бы обложить таможенною пошлиною. К этой части своей записки он приложил два краткие перечня о главнейших русских товарах, привезенных в Россию из Средней Азии и отпущенных в независимые ханства в 1857 и в 1867 годах. Я полагаю, что сведения эти извлечены С. А. Идаровым из «Видов

¹ Паллиатив — технический и медицинский термин, означающий временное решение, полумеру, средство для «закрытия» проблемы, но не решающее ее окончательно.

² В тексте рукописи подчеркнуто.

внешней торговли по азиатской границе»; предположение мое основывается на том, что сведения его оканчиваются 1867 г., т. е. тем годом, за которым последовало уничтожение Оренбургской таможенной линии, очутившейся вследствие образования Туркестанского генерал-губернаторства во внутренних пределах Империи. Но едва ли есть серьезное основание принимать представленные С. А. Идаровым перечни за доказательства невозможности обложения товаров какою-либо таможенною пошлиною. Со времени движения нашего в Среднюю Азию характер торговых отношений принял совершенно иную физиономию сравнительно с тою, какую можно себе вообразить по данным за 1867, а тем менее за 1857 г. В доказательство я заявлю один весьма крупный пример: по сведениям С. А. Идарова привезено скота в 1867 году из Средней Азии в Россию на 2 946 334 руб. Без разъяснения сведения это принимает совершенно извращенный характер: не Средняя Азия доставила этот скот в Россию, [л. 10] а русская киргизская степь, что вовсе не одно и то же. Если принять сведения это без разъяснения, то можно думать, что Туркестанский край, составляющий ныне часть России, снабжается скотом из независимых ханств, тогда как происходит совершенно обратное явление: один Аулиеатинский уезд отправляет сотни тысяч баранов в Кокандское ханство. Одного этого примера, по сумме весьма солидного, достаточно, кажется, чтобы видеть, какими данными руководствовалась Комиссия для обсуждения вопроса о нашей пограничной в Средней Азии торговле! Но этого мало: я должен сказать, что представленным С. А. Идаровым перечням я не только не придаю значения, которое способствовало бы разъяснению таможенного вопроса, но, напротив, считаю их данными, окончательно затемняющими этот вопрос. Не говоря уже о том, что данные, изложенные в перечнях, отстали от современной торговли на 4 года, что имеет для среднеазиатской торговли громадное значение, в них, в этих данных, буквально нет ни одной цифры, которая относилась бы до торговли собственно Туркестанского генерал-губернаторства с независимыми ханствами, словно этой торговли и не существует, [л. 10об.] а между тем Комиссия решала вопрос о торговле на границах сего генерал-губернаторства.

В настоящей записке я упомянул, что вопрос о пошлинах по внешней торговле я считаю в десять раз важнее вопроса по внутренней торговле, что вменяю себе в обязанность доказать следующими цифрами: зякета по внутренней торговле поступило в 1871 году 19 000 р. а по внешней — 197 000 руб., не считая сих сборов по Зеравшанскому округу, в котором поступление зякета, преимущественно по внешней торговле поступает до 80 000 руб. в год. Хотя С. А. Идаров и заверяет, что в среднеазиатской торговле нет таких предметов, которые могли бы быть обложены таможенною пошлиною, но поступление зякета по внешней торговле в количестве более 200 тыс. руб. в год доказывает совершенно противное. Впрочем, я готов даже и согласиться, что нет таких предметов, которые в нашей пограничной среднеазиатской торговле подлежали бы обложению таможенною пошлиною, но я соглашусь тогда лишь, когда это будет доказано и, разумеется, не теми перечнями, в которых нет ничего о торговле Туркестанского генерал-губернаторства.

Затем, кажется, я имею право повторить, что [л. 11] Комиссия решила вопрос о ненужности таможенных учреждений в Туркестанском генерал-губернаторстве крайне поспешно, не располагая к такому решению никакими данными, не обсудив, в каких пунктах могли бы быть учреждены таможни и посты, какими, может быть, имеющимися готовыми уже средствами могла бы быть содержима пограничная стража, не составив примерного тарифа; и вообще, Комиссия решила этот громадной важности вопрос по одному внутреннему убеждению гг. членов.

Не могу не заметить также, что Комиссия не могла не сознавать того, что заключение трактатов с правителями независимых ханств об освобождении русских купцов от зякета не может совершиться путем добровольного соглашения: подобный факт, если и достигнется, то лишь путем требования администрации Туркестанского генерал-губернаторства, на что, как можно полагать, во имя принципов международных сношений господин генерал-губернатор не согласится. Не заключив же подобных трактатов и не учредив таможенной линии, мы поставим торговое дело в крайне странное положение: русские будут [л. 11об.] платить зякет в независимых ханствах, а купцы независимых ханств будут освобождены от

всякой пошлины на товары, привозимые в наши пределы; таким образом выйдет совершенно обратное действие тем началам, которыми так часто оправдывались наши движения в Среднюю Азию. Принято было и говорить, и писать, что нам нужны среднеазиатские рынки для сбыта наших произведений, а между тем, подвергая свое торговое дело зякету в независимых ханствах и освобождая от пошлины все безусловно ввозимые к нам среднеазиатские товары, мы этим, напротив, открываем свои рынки для всеазиатского порто-франко. Мне могут заметить, что торговцы независимых ханств взамен таможенных пошлин будут оплачивать у нас пошлины по торговому уставу, как это и выражено в протоколе Комиссии, но тут, в случае подобного замечания произойдет какое-то смешение понятий о действии и о предмете действия. Торговый устав регулирует торговую правоспособность, а таможенный устав, независимо в обоих случаях фискальных целей, охраняет или преследует самый предмет торговли.

[л. 12] В заключение настоящего мнения своего, относящегося, как выше упомянуто, к протоколу 11-го заседания Комиссии, я остаюсь при том убеждении, что не следует ни в каком случае давать какие-либо преимущества перед русскими подданными, и перед товарами русского происхождения, — считая в том числе и местные Туркестанские произведения, — перед подданными независимых ханств и их произведениями, что, разумеется, случится, если не будет учреждена таможенная линия на границах Туркестанского генерал-губернаторства, и не будут в то же время наши купцы и наши произведения освобождены от зякета в независимых ханствах. Исходя из сего принципа, я полагаю необходимым основательно обследовать вопрос о возможности или невозможности учредить таможенную линию на границах Туркестанского генерал-губернаторства. Затем, если по видам Государственного казначейства, или по взглядам торговой политики, окажется обременительным или ненужным учреждение таможенной линии, то непременно обратиться к мероприятиям, которые уравнивали бы по крайней мере права торговли наших [л. 12об.] купцов в ханствах и азиатских купцов в наших пределах. По делу же этому, во всяком случае, необходимо иметь в виду мнение Департаментов: таможенно-го и торговли и мануфактур, ибо здесь, на

месте, в Ташкенте, не имеется специалистов по таможенной части, а без специальных знаний не может быть разрешен основательно этот вопрос.

Владимир Череванский¹

Историко-правовой комментарий:
Записка В. П. Череванского в контексте таможенной политики Российской империи в Средней Азии. Публикуемый документ представляет интерес в контексте формирования российской таможенной политики на Востоке, поскольку знаменует собой окончание длительной борьбы между сторонниками свободной торговли (фритредерами) и поборниками защиты интересов отечественных производителей и торговцев (протекционистами) на азиатском направлении.

Фритредерство, протекционизм и российская таможенная политика на Востоке. До конца XVII в. включительно Российское государство проводило политику, близкую к протекционизму, однако цели ее являлись исключительно фискальными и сводились к получению больших поступлений в казну от таможенных сборов. Начиная с XVIII в., таможенная политика стала преследовать более широкие экономические цели, так что уже первый таможенный тариф, принятый в 1724 г., являлся явным проявлением протекционизма, поскольку защищал интересы российских производителей и торговцев [Кисловский 2004: 153–154].

Однако растущая связь таможенной политики с другими аспектами политической деятельности Российской империи (как во внутренней жизни, так и на международной арене) нередко приводила к тому, что, стремясь следовать в русле общеевропейских тенденций, имперские власти постоянно переходили от протекционизма к фритредерству и наоборот. Так, в эпоху «просвещенного абсолютизма» при Екатерине II (1762–1796) наибольшей популярностью пользовались идеи английского экономиста Адама Смита о свободной торговле, и, как следствие, таможенная политика России была весьма либеральной [Лодыженский 1886: 160]. При Александре I (1801–1825) таможенная политика, начавшаяся в жестко протекционистском духе из-за обострения

¹ Фамилия написана неразборчиво, очевидно другим почерком по сравнению с остальным текстом.

отношений с наполеоновской Францией, в конце 1810-х гг. вновь приобрела совершенно фритредерский характер [Егоров 2010а: 87; Коршунова 2017: 84].

В течение XIX в. имперская таможенная политика в значительной степени зависела от того, кто осуществлял верховное руководство ею. Так, граф Е. Ф. Канкрин, возглавлявший Министерство финансов в 1823–1844 гг., стремился защитить российскую промышленность и оказался достаточно авторитарным государственным деятелем, чтобы ввести новый протекционистский таможенный тариф [Лодыженский 1886: 191–192; Егоров 2010б: 11]. Однако затем вновь происходит либерализация таможенной политики в связи с необходимостью ввоза в Россию необходимого сырья и техники из Европы, поставка которых сократилась из-за политической изоляции России, особенно во время и после Крымской войны 1853–1856 гг. Новые тарифы принимались в 1850, 1857 и 1868 гг., причем уже последний из этих тарифов, подготовленный М. Х. Рейтерном (министр финансов в 1862–1878 гг.), несмотря на либеральный в целом характер, уже содержал элементы протекционизма [Кисловский 2004: 174–175, 199]. Причиной тому было вступление России на капиталистический путь развития в результате «Великих реформ» Александра II и ее стремление развивать собственную промышленность, для чего требовалось защитить ее от иностранных конкурирующих товаров. Однако окончательно протекционистский характер таможенная политика Российской империи приобрела лишь с 1877 г.

Однако столь противоречивое развитие таможенной политики происходило лишь на европейском направлении, тогда как азиатское практически не менялось на протяжении многих десятилетий. Первый Азиатский таможенный тариф был принят в 1817 г. и сохранял силу около полувека [ПСЗРИ 1830: 328–348, № 26894; СЗРИ 1857: 367–492; Солонченко 2011: 570]. При этом в двух главных таможенных округах, через которые Россия вела торговлю с азиатскими государствами, — Астраханском и Оренбургском — действовали собственные тарифные ставки, отличавшиеся от установленных в тарифе 1817 г. [Казаков, Чуканов 2012: 146; Солонченко 2007: 64].

В течение всего этого времени таможенная политика России в отношении ази-

атских государств носила исключительно либеральный характер по целому ряду причин. Во-первых, вплоть до середины XIX в. торговцы из Средней Азии для ведения дел в России, как и русские купцы, направлявшиеся в среднеазиатские ханства, были вынуждены проезжать через казахские и туркменские степи, весьма часто подвергаясь нападениям; как следствие, количество торговцев с обеих сторон оказывалось не слишком значительным, и имперские власти считали, что могут стимулировать рост среднеазиатской торговли с Россией путем предоставления льгот по таможенным платежам. Во-вторых, европейские торговцы, если и вели торговлю с этими странами, то весьма нечасто возили свои товары туда через Россию, соответственно, не было нужды повышать таможенные сборы с них в целях снижения конкуренции. Наконец, российские власти длительное время почему-то испытывали уверенность, что таможенные льготы, предоставляемые среднеазиатским торговцам¹, рано или поздно вызовут ответные действия со стороны ханов Бухары, Хивы и Коканда в отношении русских торговцев в этих ханствах.

Ситуация в значительной степени изменилась во 2-й половине XIX в., что, опять же, объясняется несколькими причинами. Прежде всего, в силу решительных действий пограничных властей Оренбургского края и Западной Сибири владения Российской империи в Средней Азии существенно расширились за счет присоединения части территорий среднеазиатских государств. Соответственно, казахские владения теперь не разделяли Россию и Среднюю Азию: имперские границы вплотную приблизились к границам среднеазиатских ханств, и первое из вышеперечисленных условий льготной таможенной политики России в Средней Азии, таким образом, отпало. Во-вторых, Англия, к этому времени установившая контроль уже над всей Индией, начала активно развивать дипломатические, военные и экономические контакты со среднеазиатскими ханствами, поставляя все больше и больше товаров на рынки этих государств. В результате возникла необходимость в пересмотре таможенной политики России в регионе.

¹ Ставка таможенного сбора в отдельные периоды составляла минимальный 1 % от стоимости товаров [Янжул 1869: 17].

Однако противоречия различных имперских властных структур, неучет мнения предпринимательских кругов и других экспертов по среднеазиатским делам привели к весьма непродуманным действиям. В течение некоторого времени таможенные границы в азиатских владениях России оставались на прежней линии — в соответствии с узаконениями еще 1822 г. [Долинский 1865]. В 1865 г. специальная правительственная комиссия во главе с министром финансов М. Х. Рейтерном обсуждала возможность перенесения таможен из Оренбуржья во вновь присоединенные к России среднеазиатские области на р. Сырдарье — во вновь образованную Туркестанскую область. Однако, в конечном счете, в 1867 г. были упразднены Оренбургская и Западносибирская таможни (о чем упоминает и В. П. Череванский в своей записке на л. 9об.), и никакой замены им на новых рубежах Российской империи в Азии не было создано — по той причине, что иностранцы, по мнению членов комиссии, сами не станут везти товары «в отсталые ханства», и смысла в таможне не находят [Моррисон 2016: 101; Солонченко 2007: 78].

В результате получалось, что российские купцы были вынуждены платить достаточно высокие таможенные сборы на территории Бухары, Хивы и Коканда, тогда как торговцы из этих стран могли пересекать границу Российской империи, не будучи обязанными платить ничего и при этом провозя с собой товары не только среднеазиатского, но и британского производства.

Для решения данной проблемы первый туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман образовал специальную комиссию для изучения вопроса о торговых сборах, которая работала в Ташкенте в 1872–1874 гг. [Правилова 2006: 287; Шкунов 2012: 140]. Комиссия включала представителей экономических ведомств Туркестанского края, которые, однако, далеко не всегда были согласны друг с другом, в результате чего во время заседаний велись бурные споры и принимались противоречивые решения, что отнюдь не способствовало достижению целей комиссии. Публикуемая записка В. П. Череванского, являвшегося членом этой комиссии, представляет собой своеобразную промежуточную оценку результатов ее деятельности по итогам ряда заседаний в течение первого года работы.

Автор записки: штрихи к биографии.

Владимир Павлович Череванский родился в 1836 г. в Симферополе в дворянской семье. Во время Крымской войны работал в одесском госпитале по бухгалтерской части, затем был отправлен для продолжения работы в Санкт-Петербург, где в 1864 г. по протекции руководителя Государственного контроля В. А. Татаринова¹ был принят в Государственный контроль. 4 мая 1868 г. в Ташкенте была учреждена Туркестанская контрольная палата, и В. П. Череванский стал ее первым управляющим, занимая эту должность до 1880 г.

Туркестанская контрольная палата, включавшая в себя 12 департаментов, осуществляла большой комплекс ревизионных, административных и бюджетных функций. В частности, к ее компетенции относилась проверка финансовой деятельности администрации Туркестанского края, правильность производимых операций, контроль экономного расходования средств казны. Вместе с тем в обязанности сотрудников палаты входило составление обзоров по разным отраслям хозяйства края, включая даже такие специфические вопросы, как контроль вырубki лесов и использования других природных ресурсов, учет климатических особенностей в развитии сельского хозяйства. Естественно, на контрольную палату возлагалась реализация мер по борьбе с коррупцией [Сугуралиева 2006: 15–16]. Занимаемая В. П. Череванским должность и, как следствие, подведомственность его Министерству финансов послужили причиной противоречивых отношений его с главным начальником края — генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом.

К. П. фон Кауфман, находившийся в прямом подчинении Военного министерства (он поддерживал «почти дружеские» отношения с министром Д. А. Милютиным [Милютин 2010: 34]) и, будучи лично вхож к императору Александру II, имел постоянные конфликты с другими ведомствами, особенно с финансовым и внешнеполитическим, считая, что они чрезмерно вмешиваются в его дела и чинят ему препятствия в управлении Туркестаном. В частности, Государственный контролер постоянно

¹ Татаринов Валериан Алексеевич (1816–1871) — российский государственный деятель, активный участник реализации «Великих реформ», Государственный контролер Российской империи (1862–1871).

указывал центральным властям империи (в том числе и лично императору) на «довольно многочисленные уклонения от общеустановленных правил» в Туркестанском крае, нарушения в силу «особенностей положения того края, которые препятствуют быстрому установлению надлежащего порядка в действиях отчетных перед Государственным контролем учреждений» [Отчет 1871: 93; Отчет 1872: 34]. Выведенный из себя постоянными конфликтами с Минфином, К. П. фон Кауфман в письме военному министру в 1875 г. прямо писал, как его раздражают «то ябедный Контроль, то упрямый Рейтерн¹, то дивана Черняев², даже дрянные шавки, как Петровский³, Гойер и

¹ Рейтерн Михаил Христофорович (1820–1890) — государственный деятель Российской империи, министр финансов (1862–1878), председатель Комитета министров (1881–1886), граф (1890).

² Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) — военный и государственный деятель Российской империи, участник завоевания Средней Азии, первый военный губернатор Туркестанской области (1865–1866), участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. После образования Туркестанского края в 1867 г. надеялся стать его первым генерал-губернатором, но по предложению военного министра Д. А. Милютина на эту должность был назначен К. П. фон Кауфман, что послужило причиной формирования резко негативного отношения к нему и его деятельности оставшегося не у дел М. Г. Черняева. Сотрудничая с рядом периодических изданий правового толка, он постоянно делал нападки на Кауфмана. Когда же после смерти К. П. фон Кауфмана М. Г. Черняев все же был назначен туркестанским генерал-губернатором (1882–1884), он демонстративно потребовал провести ревизию края по итогам управления его предшественника, не выявившую, впрочем, никаких нарушений лично со стороны К. П. фон Кауфмана. Сам М. Г. Черняев после ряда экстравагантных преобразований в Туркестане был довольно скоро смещен с должности и последние годы занимал чисто номинальную должность члена Военного совета. Отличался экстравагантным поведением, что и позволило К. П. фон Кауфману охарактеризовать его как «дивану»: так в Средней Азии называли безумных и бесноватых, а также юродивых.

³ Петровский Николай Федорович (1837–1908) — российский дипломат и ученый-востоковед, с 1865 г. служил в Госконтроле, агент Минфина в Туркестанском крае (1870–1882),

пр. и пр. хватают за икры; выше они укусьить не могут» [Бухерт 2003: 16; Правилова 2006: 129].

Как видим, среди этих «шавок» не упомянут В. П. Череванский. Являясь сотрудником Минфина и Госконтроля, он должен был защищать их интересы, но при этом, по-видимому, не вступал в прямой конфликт с властным генерал-губернатором. На это указывает, в частности, тон публикуемой Записки, который чиновник вряд ли мог позволить себе, если бы находился в неприязненных отношениях с К. П. фон Кауфманом. Некоторые сведения о последующей деятельности Череванского в Туркестане также свидетельствуют, что генерал-губернатор неплохо с ним ладил. Так, в 1877 г. в Ташкенте была образована Городская дума, и В. П. Череванский был избран в ее гласные [Бродский: 104]. А в 1879 г. при поддержке К. П. фон Кауфмана было открыто «Общество вспомоществования бедным учащимся в ташкентских русских учебных заведениях», одним из инициаторов и активных участников которого также стал В. П. Череванский [Остроумов 1899: 91].

Автор Записки уже с конца 1850-х гг. был известен не только как чиновник финансового ведомства, но и как плодовитый писатель. Он начал литературную деятельность в 1858 г. в качестве автора очерков и рассказов в таких изданиях, как «Семейный круг», «Русский мир», «Петербургский вестник», «Сын Отечества»⁴. В конце XIX — начале XX вв. им был опубликован ряд крупных произведений, которые он сам называл «историческими монографиями», на самом же деле представлявших собой беллетризованные исторические повествования — «Две волны» (о противостоянии России с кочевыми народами от средневековья до конца XIX в.), «Исчезнувшее царство» — российский консул в Кашгаре (1882–1903, с 1886 г. — генеральный консул). Помимо обширного научного наследия, оставил записки личного характера и переписку, в которых весьма язвительно критиковал своих современников, в том числе и тех начальников, под руководством которых ему приходилось служить (включая К. П. фон Кауфмана).

⁴ Поначалу именно литературные произведения Череванского и обратили на него внимание В. А. Татаринова, который, впрочем, вскоре сумел оценить и его профессиональные качества, и компетентность.

(о Древней Месопотамии), «Последний вздох Византии», «Творчество русской силы», исторические повести «Первая русская царица» и «Под боевым огнем» (об ахалтекинских экспедициях 1879–1881 гг.), а также научно-религиоведческое произведение «Мир ислама и его пробуждение».

Нельзя не увидеть, что литературный дар Череванского проявился и в публикуемой записке, сам стиль которой, несомненно, более эмоциональный и свободный, чем это было бы целесообразно в письменном докладе руководителя столь специфического ведомства, как контрольная палата, адресованном генерал-губернатору края. Выразительность аргументам автора, в частности, придают «неформальные» обороты: «Что касается до меня, то я чужд панической боязни перед индо-европейскими товарами» (л. 6об.–7); «Разумеется, если таможня вносит такой разрушительный характер в торговое дело, то не должно быть и речи об ее существовании, но мне кажется, что таможни вообще далеки от такого рода наклонностей» (л. 7–7об.), «зякет, рубивший, так сказать, с плеча торговлю...» (л. 8) и др.

Впрочем, несмотря на столь активную литературную деятельность, В. П. Череванский, прежде всего, был высококвалифицированным специалистом в своем деле. Именно поэтому он как «один из опытейших деятелей Государственного контроля, хорошо знакомый со Средней Азией и лично известный генерал-адъютанту Скобелеву» по представлению Государственного контролера был назначен обер-контролером для «заведования полевым контролем» в Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг. [Отчет 1881: 118]. После присоединения Туркмении он до 1883 г. служил полевым контролером во вновь образованном Закаспийском крае, в 1883–1884 гг. управлял Московской контрольной палатой. С конца 1880-х гг. он числился уже в центральных органах Государственного контроля, в 1894 г. стал сенатором, а в 1898 г. — членом Государственного совета.

Его длительное пребывание в Средней Азии и интерес к местным обычаям и традициям создали ему репутацию ученого-востоковеда. И если поначалу его компетенция в этой сфере (в процессе участия в комиссии по выработке Положения об управлении Туркестанским краем в середине 1880-х гг.) подвергалась сомнению даже

его близким другом Н. Ф. Петровским¹, то в начале XX в. ситуация изменилась. В 1906 г. В. П. Череванский (уже ставший тайным советником) участвовал в Особом совещании по мусульманским делам и даже составил специальную записку по делам веры мусульман-суннитов. Подготовленные им материалы использовались и в рамках работы очередного Особого совещания уже в 1914 г. [Совещание 2011: 36].

Таким образом, автор Записки предстает перед нами весьма компетентным специалистом в вопросах экономической и финансовой политики, к тому же способным учитывать различные факторы дальнейшего развития соответствующих направлений политики Туркестанского края: международную обстановку, местную специфику и пр. Это позволяет внимательно отнестись к публикуемому документу как источнику и проанализировать его в контексте последующего развития таможенной политики в Русской Средней Азии.

Позиция В. П. Череванского и дальнейшая таможенная политика в Русском Туркестане. Из текста записки очевидно, что ее автор является, так сказать, «умеренным протекционистом», выступая за установление таможен и таможенных сборов в торговле со Средней Азией, но против чрезмерно высоких тарифов в отношении ввозимых и вывозимых товаров. Он совершенно справедливо указывает на то, что Российская империя, расширяя свои владения в центрально-азиатском регионе, преследует далеко не только политические и стратегические, но и экономические цели, и именно расширение рынков для получения сырья и сбыта готовой продукции должно стать главным условием дальнейшей торговой политики в регионе (л. 2). При этом В. П. Череванский специально подчеркивает, что отсутствие таможен приведет к получению среднеазиатскими торговцами преимуществ перед их российскими коллегами, торгующими, в том числе и товарами, производимыми в Туркестане (л. 12), что, видимо, должно было придать его аргументам дополни-

¹ Дружба с В. П. Череванским не мешала Петровскому в переписке отзываться и о нем в своем обычном ядовитом стиле, в частности, в одном из его писем упоминается «мой друг Череванский с претензией на литературу, большой мастер путать все вопросы и сам в них путаться» [Петровский 2010: 151].

тельный вес в глазах К. П. фон Кауфмана, который всячески старался развивать производство во вверенном ему крае.

Опираясь на сведения своих информаторов, автор Записки отмечает опасения своих оппонентов по поводу того, что учреждение таможен в Туркестанском крае снизит интерес ханств к торговле с Россией и позволит торговцам из Британской Индии захватить лидирующее положение на среднеазиатских рынках (л. 5–5об., 7). Он разделяет мнение ряда представителей российских деловых кругов о том, что российские товары в гораздо большем количестве представлены в Средней Азии, и конкуренция с англичанами на данном этапе не представляет опасности [Глуховский 1867: 18; Янжул 1869: 28–29; Рожкова 1963: 95–98; ср.: Сорокин 1869: 31; Халфин 1975: 59–60]. Кроме того, он задает своим оппонентам вполне резонный вопрос: как при отсутствии таможен предполагается предотвращать провоз английских товаров на территорию Российской империи, и кто будет отвечать за принятие этих мер (л. 6–6об.)?

В. П. Череванский выражает надежду, что власти в лице туркестанского генерал-губернатора «во имя принципов международных соглашений» не станут применять силу в отношении среднеазиатских ханств, чтобы добиться преференций для российских торговцев в этих государствах и заставить отказаться их правителей от высоких торговых сборов с иностранцев. Несомненно, «миролюбивая» позиция В. П. Череванского отражает взгляды руководства Минфина, которое считало военные предприятия в Средней Азии не только опасными во внешнеполитическом отношении, но и неоправданно затратными. Впрочем, при этом он приводит в большей степени эмоциональные аргументы, пренебрежительно отзываясь о «мизерных доходах» этих правителей, которые совершенно не представляют интереса для «такой могущественной державы, как Россия» (л. 4об.).

Весьма язвительно В. П. Череванский критикует своего оппонента С. А. Идарова за обоснование своей позиции торгово-политическим опытом таких государств, как Франция и Папская область, и совершенно обоснованно утверждает, что условия торговли в Западной Европе и в «степях и оазисах» Средней Азии совершенно различны (л. 8об.). В качестве дополнительного

аргумента в споре автор Записки упрекает своего оппонента в том, что тот при выработке своих предложений пользовался устаревшими данными, относящимися к концу 1850-х гг., тогда как политическая и экономическая ситуация коренным образом изменилась десятилетием позже в связи с образованием Туркестанского генерал-губернаторства (л. 9об.–10).

Однако при этом нельзя не обратить внимания, что и сам В. П. Череванский, как ни странно, больше внимания уделяет эмоциональным оценкам, чем количественным показателям. Возглавляя Туркестанскую контрольную палату, он, несомненно, должен был владеть информацией о ситуации в торговле, доходах и расходах края и мог эффективно использовать и интерпретировать эти цифры в пользу собственной позиции. Однако лишь ближе к концу документа (л. 10об.) он приводит несколько количественных показателей, что, как представляется, несколько снижает эффект от его Записки.

Как показали последующие события, мнение В. П. Череванского было учтено при выработке таможенной политики России в Средней Азии. В 1875 г. К. П. фон Кауфман отменил зякет, который, по выражению В. П. Череванского, «со своим чудовищным произволом, покончил бы давно со всякою торговлею в цивилизованных странах», и, с согласия Минфина, ввел в Туркестане Положение о пошлинах, правда, с сохранением за собой права учитывать местные особенности для внесения в это общее Положение необходимых изменений [Кауфман 1885: 409]¹.

Однако в данном случае речь шла о распространении на ввозимые из Средней Азии товары лишь торговых налогов, что, по обоснованному мнению В. П. Череванского, означало, что «произойдет какое-то смешение понятий о действии и о предмете действия. Торговый устав регулирует торговую правоспособность, а таможенный устав, независимо в обоих случаях фискальных целей, охраняет или преследует самый предмет торговли» (л. 11). Надо полагать, К. П. фон Кауфман не желал создавать таможенные учреждения, по вопросам которых ему пришлось бы в еще большей степени координировать

¹ Это право сохранялось и за преемниками К. П. фон Кауфмана еще в конце XIX в. [СЗРИ 1912: 85, п. 950-1].

свои действия с Министерством финансов. Поэтому первый таможенный округ в Туркестане, Зеравшанский, появился только в 1882 г. (т. е. уже после смерти К. П. фон Кауфмана) и уже в 1886 г. был передан в ведение Минфина [Алимджанов 2016: 122; Солонченко 2007: 46], чего так не хотел первый начальник края.

Дальнейшая таможенная политика в Средней Азии, в соответствии с рекомендациями В. П. Череванского, формировалась экономическими, а не военными средствами. В 1895 г. Российская империя заключила договоры с эмиром Бухары и ханом Хивы о включении этих государств в имперскую таможенную черту. В результате таможенные границы между Россией, Бухарой и Хивой исчезли, а российские таможенные посты переместились на южные границы протекторатов, препятствуя проникновению в них товаров из Британской Индии [Почекаев 2016]. Скончавшийся в 1914 г. В. П. Череванский имел возможность убедиться в том, что его позиция, таким образом, оказалась учтена российскими имперскими властями.

В заключение стоит объективно отметить, что Записка, как уже было отмечено выше, могла бы быть более информативной и содержать больше фактов и цифр. Поэтому не стоит рассматривать ее как источник по экономическому развитию Туркестанского края начала 1870-х гг. и, тем более, деятельности учреждения, возглавляемого ее автором. Тем не менее, она ярко отражает последний этап борьбы фритредеров и протекционистов в российской таможенной политике и ее влияние на развитие внешнеторговой политики в Русской Средней Азии. Кроме того, она привлекает внимание и к самому автору, который, несомненно, был яркой фигурой в российской государственной и политической жизни второй половины XIX – начала XX вв., до сих пор, на наш взгляд, недостаточно оцененной.

Благодарность. Историко-правовой комментарий подготовлен в ходе проведения исследования (проект № 18–01–0005) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2018–2019 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / SOURCES AND REFERENCES

- Алимджанов 2016 — Алимджанов Б. А. Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX – начало XX вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. 198 с. [Alimdzhanov B. A. *Ekonomicheskaya politika Rossiyskoy imperii v Turkestanskom general-gubernatorstve (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Economic policy of the Russian Empire in Turkestan General-Governorship (mid-to-late 19th – early 20th cc.). A PhD thesis. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2016. 198 p. (In Rus.)]
- Бродский — Бродский Л. Г. Ташкент 1877–1919 г. К 35-летию городского общественного управления // Туркестанский сборник. Т. 548. Ташкент: Б. и., б. г. С. 97–157. [Brodsky L. G. Tashkent: 1877–1919. Celebrating the 35th anniversary of the city public administration. *Turkestanskiy sbornik*. Vol. 548. Tashkent. Pp. 97–157. (In Rus.)]
- Бухерт 2003 — Бухерт В. «Войска наши такая прелесть, что нельзя представить ничего лучшего». Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки // Источник. Документы русской истории. 2003. № 2 (62). С. 9–23. [Bukhert V. 'Our troops are so charming that it is impossible to imagine better'. The first Governor-General of Turkestan: 12 years of correspondence]. *Istochnik. Dokumenty russkoy istorii*. 2003. No. 2 (62). Pp. 9–23. (In Rus.)]
- Глуховский 1867 — [Глуховский А. И.] Записка о значении Бухарского ханства для России и о необходимости принятия решительных мер для прочного водворения нашего влияния в Средней Азии. СПб.: [Б. и.], 1867. 38 с. [[Glukhovsky A. I.] *Zapiska o znachenii Bukharskogo khanstva dlya Rossii i o neobkhodimosti prinyatiya reshitel'nykh mer dlya prochnogo vodvoreniya nashego vliyaniya v Sredney Azii* [Report on the role of Khanate of Bukhara for Russia and on necessity of taking trenchant measures to establish our influence in Central Asia]. St. Petersburg, 1867. 38 p. (In Rus.)]
- Долинский 1865 — Долинский В. Об отношении России к среднеазиатским владениям и об устройстве Киргизской степи. СПб.: Типография Тов-ва «Общественная польза», 1865. 55 с. [Dolinsky V. *Ob otnoshenii Rossii k sredneaziatskim vladeniyam i ob ustroystve Kirgizskoy stepi* [About Russia's attitudes towards Central Asian possessions and organization of Kyrgyz Steppe]. St. Petersburg:

- Obschestvennaya Pol'za, 1865. 55 p. (In Rus.)]
- Егоров 2010а — Егоров М. Ю. Функции таможенного тарифа в Российской империи в XIX веке // Экономический журнал. № 18. 2010. С. 86–90. [Egorov M. Yu. Functions of the custom tariff in the 19th-century Imperial Russia. *Ekonomicheskii zhurnal*. 2010. No. 18. Pp. 86–90. (In Rus.)]
- Егоров 2010б — Егоров М. Ю. Эволюция таможенного тарифа Российской империи в XIX столетии. Автореф. ... канд. экон. наук. М.: РГТУ, 2010. 26 с. [Egorov M. Yu. *Evolutsiya tamozhennogo tarifa Rossiyskoy imperii v XIX stoletii* [Evolution of the custom tariff in the 19th-century Imperial Russia]. A Ph D thesis abstract. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2010. 26 p. (In Rus.)]
- Казаков, Чуканов 2012 — Казаков А., Чуканов И. Законодательное регулирование деятельности таможен и карантин в сфере внешней торговли России со странами Востока в первой половине XIX в. // Власть. 2012. № 2. С. 145–147. [Kazakov A., Chukanov I. Legal regulation of customs activities and quarantines in Russia's foreign trade with states of the Orient in the early-to-mid 19th c. *Vlast'*. 2012. No. 2. Pp. 145–147. (In Rus.)]
- Кауфман 1885 — Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. СПб.: Военная типография, 1885. 503 с. [*Proekt vsepoddanneyshego otcheta general-ad'yutanta K. P. fon Kaufmana I po grazhdanskomu upravleniyu i ustroystvu v oblastyakh Turkestanskogo general-gubernatorstva. 7 noyabrya 1867 – 25 marta 1881 g.* [A project of the most loyal report by the Governor-General K. P. von Kaufman the 1st on civil administration and organization in the provinces of Turkestan region. 7 November 1867 – 25 March 25 1881]. St. Petersburg: Military Print. House, 1885. 503 p. (In Rus.)]
- Кисловский 2004 — Кисловский Ю. Г. История таможенного дела и таможенной политики России / 3-е изд., доп. М.: Русина-Пресс, 2004. 592 с. [Kislovsky Yu. G. *Istoriya tamozhennogo dela i tamozhennoy politiki Rossii* [A history of Russia's customs and customs policy]. 3rd ed., suppl. Moscow: Rusina-Press, 2004. 592 p. (In Rus.)]
- Клепиков 1959 — Клепиков С. А. Филигрانی и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1959. 306 с. [Klepikov S. A. *Filigrani i shtempeli na bumage russkogo i inostrannogo proizvodstva XVII–XX vv.* [Water-marks and stamps on Russia- and foreign manufactured paper in the 17th–20th cc]. Moscow: All-USSR Book Chamber Press, 1959. 306 p. (In Rus.)]
- Коршунова 2017 — Коршунова Н. В. Таможенное регулирование в России в первой четверти XIX в.: выбор пути экономического развития // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 83–86. [Korshunova N. V. Customs regulation in Russia in the first quarter of the 19th century: the choice of path to economic development. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2017. No. 8. Pp. 83–86. (In Rus.)]
- Лодыженский 1886 — Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа. СПб.: Типография В. С. Балашова, 1886. XVI+312+82 с. [Lodyzhensky K. N. *Istoriya russkogo tamozhennogo tarifa* [A history of the Russian custom tariff]. St. Petersburg: V. S. Balashov, 1886. XVI+312+82 p. (In Rus.)]
- Милютин 2010 — Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1882–1890 / Под ред. Л. Г. Захаровой; 2-е изд., доп. и испр. 1882–1890. М.: РОССПЭН, 2010. 582 с. [*Dnevnik general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1882–1890* [Field Marshal General Dmitriy A. Milyutin's diary. 1882–1890]. Ed. by L. G. Zakharova. 2nd ed., rev. and suppl. 1882–1890. Moscow: ROSSPEN, 2010. 582 p. (In Rus.)]
- Моррисон 2016 — Моррисон А. Товарооборот России со Средней Азией в середине XIX века по записям Оренбургской таможни // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / Науч. ред. С. В. Любичанковский. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 97–102. [Morrison A. Russian commodity turnover in Central Asia in the mid-19th century according to records of Orenburg Customs House. *Vos'mye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskiy kray kak istoriko-kul'turnyy fenomen: sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Eighth Bolshakov readings. Orenburg region as historical and cultural phenomenon]. Conf. proc. Ed. by S. V. Lyubichankovsky]. Orenburg: Orenburg State Pedagogic University, 2016. Pp. 97–102. (In Rus.)]
- Остроумов 1899 — Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова

- (1877–1881). Ташкент: Типо-литография т. д. «Ф. и Г. Бр. Каменские», 1899. 287 с. [*Konstantin Petrovich fon Kaufman, ustroitel' Turkestanskogo kraya. Lichnye vospominaniya N. Ostroumova (1877–1881)*] [Konstantin Petrovich von Kaufman, organizer of the Turkestan region. Private memoirs of N. Ostroumov (1877–1881)]. Tashkent: F. and G. Kamensky, 1899. 287 p. (In Rus.)]
- Отчет 1871 — Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1870 год. СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1871. 125 с. [*Vsepoddanneyshiy otchet Gosudarstvennogo kontrolera za 1870 god*] [The most loyal report of the State Inspector: 1870]. St. Petersburg: 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1871. 125 p. (In Rus.)]
- Отчет 1872 — Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1871 год. СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1872. 111 с. [*Vsepoddanneyshiy otchet Gosudarstvennogo kontrolera za 1871 god*] [The most loyal report of the State Inspector: 1871]. St. Petersburg: 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1872. 111 p. (In Rus.)]
- Отчет 1881 — Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1880 год. СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1881. 175 с. [*Vsepoddanneyshiy otchet Gosudarstvennogo kontrolera za 1880 god*] [The most loyal report of the State Inspector: 1880]. St. Petersburg: 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1881. 175 p. (In Rus.)]
- Петровский 1873 — Петровский Н. Ф. Моя поездка в Бухару // Вестник Европы. 1873. Т. II. С. 209–248. [Petrovsky N. F. My trip to Bukhara. *Vestnik Evropy*. 1873. No. 2. Pp. 209–248. (In Rus.)]
- Петровский 2010 — Петровский Н. Ф. Туркестанские письма / Отв. ред. В. С. Мясников. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 358 с. [Petrovsky N. F. *Turkestanskies pis'ma* [Turkestan letters]. Ed. by V. S. Myasnikov. Moscow: Pamyatniki Istoricheskoy Mysli, 2010. 358 p. (In Rus.)]
- Почекаев 2016 — Почекаев Р. Ю. Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 172–184. [Pochekaev R. Yu. Inclusion of the Bukhara Emirate and Khiva Khanate into the customs system of the Russian Empire (1895). *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2016. No. 3. Pp. 172–184. (In Rus.)]
- Правилова 2006 — Правилова Е. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М.: Новое изд-во, 2006. 456 с. [Pravilova E. *Finansy imperii: Den'gi i vlast' v politike Rossii na natsional'nykh okrainakh. 1801–1917* [Finances of the Empire: money and power in Russia's policies within national peripheries. 1801–1917]. Moscow: Novoe Izdatel'stvo, 2006. 456 p. (In Rus.)]
- ПСЗРИ 1830 — Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIV. СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. 959 с. [*Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*] [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. XXXIV. St. Petersburg: 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. 959 p. (In Rus.)]
- ПСЗРИ 1873 — Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. XLIII. Отд. II. СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1873. 572 с. [*Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*] [Complete collection of laws of the Russian Empire]. 2nd coll. Vol. XLIII. Part II. St. Petersburg: 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1873. 572 p. (In Rus.)]
- Рожкова 1963 — Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией. 40–60-е годы XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 239 с. [Rozhkova M. K. *Ekonomicheskie svyazi Rossii so Sredney Aziey. 40–60-e gody XIX veka* [Economic relations between Russia and Central Asia: 1840s – 1860s]. Moscow: USSR Acad. of Sc., 1963. 239 p. (In Rus.)]
- СЗРИ 1857 — Свод законов Российской империи. Т. VI. Уставы таможенные. СПб.: Типография II отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1857. 594+94 с. [*Svod zakonov Rossiyskoy imperii. T. VI. Ustavy tamozhennye*] [The code of laws of the Russian Empire]. Vol. VI. Customs codes. St. Petersburg: 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1857. 594+94 p. (In Rus.)]
- СЗРИ 1912 — Свод законов Российской империи. Издание неофициальное. В пяти книгах. Книга первая. Т. VI. Устав таможенный. СПб.: Печатня Графического ин-та, бр. Лукшевиц, 1912. 314+V с. [*Svod zakonov Rossiyskoy imperii. Izdanie neofitsial'noe. V pyati knigakh. Kniga pervaya. T. VI. Ustav tamozhenny*] [The code of laws of the Russian Empire]. Unofficial edition. In five books. Book

- One. Vol. VI. Customs code. St. Petersburg: Graphic Institute, Lukshevich Brothers, 1912. 314+V p. (In Rus.)]
- Совещание 2011 — Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / Сост., пред., прим. и сокр. И. К. Загидуллина. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2011. 296 с. [*Osoboe Soveschanie po musul'manskim delam 1914 goda* [Special meeting on Islamic affairs of 1914: the journals]. Comp., intr., notes and abr. by I. K. Zagidullin. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 2011. 296 p. (In Rus.)]
- Солонченко 2007 — Солонченко Е. А. Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае в 1752–1868 гг. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. 312 с. [Solonchenko E. A. *Tamozhennaya politika na yugo-vostoke Rossii i ee realizatsiya v Orenburgskom krae v 1752–1868 gg.* [Customs policy in Southeast Russia and its realization in Orenburg region: 1752–1868]. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 2007. 312 p. (In Rus.)]
- Солонченко 2011 — Солонченко Е. А. Азиатский тариф и таможенный устав 1817 г. и попытки их пересмотра в первой половине XIX в. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 16 (135). С. 570–572. [Solonchenko E. A. The Asian tariff and Customs code of 1817: attempts of their revision in the early-to-mid 19th c. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. No. 16 (135). Pp. 570–572. (In Rus.)]
- Сорокин 1869 — Сорокин Н. Нужны ли азиатские таможни или нет // Туркестанский сборник. Т. VIII. Ташкент: [Б. и.], 1869. С. 29–33. [Sorokin N. Revisiting whether the Asian customs houses are required or not]. *Turkestanskiy sbornik*. Vol. VIII. Tashkent, 1869. Pp. 29–33. (In Rus.)]
- Сугуралиева 2006 — Сугуралиева Ф. У. История становления, эволюции и деятельности хозяйственных госучреждений колониального Туркестана (1867–1917 гг.). Автореф. ... канд. ист. наук. Ташкент: Национальный ун-т Узбекистана, 2006. 31 с. [Suguralieva F. U. *Istoriya stanovleniya, evolyutsii i deyatel'nosti khozyaystvennykh gosuchrezhdeniy kolonial'nogo Turkestana (1867–1917 gg.)* [History of rise, evolution and activity of economical state institutions of the colonial Turkestan (1867–1917)]. A PhD thesis abstract. Tashkent: National University of Uzbekistan, 2006. 31 p. (In Rus.)]
- Халфин 1975 — Халфин Н. А. Общество для содействия русской промышленности и торговле и Средняя Азия // Вопросы истории. 1975. № 8. С. 45–63. [Khalfin N. A. Russian Industry and Trade Aid Society and Central Asia. *Voprosy istorii*. 1975. No. 8. Pp. 45–63. (In Rus.)]
- Шкунов 2012 — Шкунов В. П. Государственно-правовое регулирование внешней торговли Российской империи в XVIII–XIX веках. Ульяновск: УлГУ, 2012. 255 с. [Shkunov V. P. *Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie vneshney trgovli Rossiyskoy imperii v XVIII–XIX vekakh* [State and legal regulation of foreign trade of the Russian Empire in 18th–19th centuries]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University, 2012. 255 p. (In Rus.)]
- Янжул 1869 — Янжул И. И. Исторический очерк русской торговли со Средней Азией. М.: [Б. и.], 1869. 44 с. [Yanzhul I. I. *Istoricheskiy ocherk russkoy trgovli so Sredney Aziey* [A historical essay on Russian trade with Central Asia]. Moscow, 1869. 44 s. (In Rus.)]

Revisiting the History of Russia's Central Asian Customs Policy in the Mid-to-Late 19th C. (V. P. Cherevansky's Staff Report of 1872)

Mark A. Kozintsev¹

Roman Yu. Pochekaev²

¹ Postgraduate Student, Senior Laboratory Assistant, Sector of Central Asian Studies, Department of Central and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (18, Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-8588-739X. E-mail: m.kozintcev@mail.ru.

² Ph.D. in Law (Cand. of Juridical Sc.), Associate Professor, Professor, Head of Department of Theory and History of Law and State, National Research University Higher School of Economics (17, Promyshlennaya Str., St. Petersburg, 198099, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru.

Abstract

The paper examines the development of Russia's customs policy in the Central Asian region in the mid-to-late 19th c. The main part of the paper is a publication of a staff report written by Vladimir P. Cherevansky, a Russian high-rank official to Turkestan, namely, Head of Chamber of Control, in the 1870s. As a member of Commission for Russian Trade in Central Asia he disagreed with his colleagues on customs evolution and expressed his opinion in the report addressed to Konstantin von Kaufman, the then Governor-General of Turkestan.

Since the 18th c. Russia had implemented the most favorable treatment towards merchants from the Central Asian khanates (Bukhara, Khiva, Khoqand, etc.) but their monarchs never responded equally. In the 1850s – 1860s, the Russian Empire substantially widened its possessions in Central Asia, shifting its borders southward. It caused a necessity of closing customs stations on the former borders (in particular, in Orenburg region). However, imperial authorities did not agree on whether or not to establish new ones in the newly annexed Russian Turkestan. The problem of customs policy of the Russian Empire (Turkestan Governor-Generalship being its specific region) towards Central Asian Khanates has been studied in a number of works, but the published document was never analyzed properly, whereas its content and especially its author are of great importance to go deeply into that difficult situation in the Russian customs policy to Central Asia.

V. P. Cherevansky's report mirrored different opinions on customs policy and, in fact, the end of the era of free-trade in the Russian Empire in general, and its Central Asian trade specifically. The content of report was influenced by debates between central authorities on administration of Turkestan — the Ministry of Finance and the Military Ministry. Although V. P. Cherevansky and Kaufman represented, respectively, financial authorities and military circles, they were not in conflict, and the report is an evidence of their constructive and respectful relations. In fact, the author of the report, who *ex officio* had to support free-trade policy, manifested his adherence to protectionism and strict customs policy towards Central Asian khanates and potential competitors from British India.

The publication of the report also gives more information on V. P. Cherevansky as such. He was not just an official of a high rank (not only to Turkestan but later in Moscow and St. Petersburg where he finished his career as senator and member of the State Council), but also an author of novels and historical essays. His literary talents can well be seen in the published report, its style and content.

Still, first of all V. P. Cherevansky was a professional with expertise in Russian Central Asian affairs. That is why his arguments were kept in mind by both local Turkestanian rulers and central authorities. However, the process of establishment of the customs system in Russian Central Asia proved long-term. Only in the late 19th c. it was finally organized with the aid of Cherevansky's proposals.

Keywords: Russian Empire, Turkestan, Central Asia, Emirate of Bukhara, Khanate of Khiva, customs policy, custom tariff.